

Глава 1

Данила пришел за ней ровно в семь. Впрочем, в его пунктуальности никто не сомневался. Но эта, казалось бы, положительная черта сейчас сильно раздражала. Да так, что кончики пальцев покалывало! Не мог явиться минут на двадцать позже? Совсем не понимает, как тяжело ей Дмитрия отпускать? Сама же себя Лиза и одергивала. Знала прекрасно — нет у него выбора. Нет. Но черт! Никак не ожидала, что утро наступит так скоро.

Долгих прощаний с Похомовым не вышло. Жаркий поцелуй да мимолетное, хоть и безумно крепкое, объятие. Уткнувшись в ее висок, он прошептал:

— Кроха... будь умницей! Моя!

И ведь не сказал ничего особенного, доселе ей неизвестного, а улыбка на лице сама собой расцвела. Глаза засияли. Легкие втянули чуть больше чистого утреннего воздуха. Агунья! Напоследок его запахом хотелось надышаться. Каждую собственную молекулу им насквозь пропитать!

— Береги себя, — ответила Лиза так же тихо. — Пожалуйста! Что угодно делай... только береги.

Он коротко кивнул, дав тем самым молчаливую клятву. После отстранился, подталкивая ее к Верещагину, и произнес достаточно властно:

— Ступай!

Вот и все. Пост сдан. Пост принят.

Она медленно плелась за Даней. Мужчина вызвался идти первым и теперь размеренно, но осторожно вышагивал по узкой тропинке. Иногда придерживал ветки кустарников, чтобы те не хлестали Лизу по лицу.

Людмила Сладкова

Он выглядел бодрым и отдохнувшим, в отличие от самой Лизы, взъерошенной и помятой. Ей даже немного стыдно стало.

Видно же, что они с Димой не в шахматы играли.

Лиза тяжело вздохнула. Тишина вроде как успокаивать должна. Однако на девушку действовала удушающе. Столько всего произошло за последние сутки, что хотелось... да чего угодно, только не молчать.

— Почему Дима не ладит с Матвеем? — припомнила Лиза вчерашний разговор с Похомувым.

Лизавета попыталась подавить зевок. Да и вообще не уснуть на ходу, если уж на то пошло. Ночью не сомкнула глаз. Пара часов легкой дремоты не в счет.

Данила молчал. Возможно, не расслышал из-за хруста веток, хоть и верилось в это с трудом. Возможно, просто проигнорировал, что более вероятно. Не суть. Главное — был нем как рыба. Ну и пожалуйста! Не хочет говорить — и не надо. Обиженно насупившись, она неожиданно налетела на Верещагина. Только сдавленно пискнуть «Ой!» и успела.

Когда остановился-то?

Придержав за локоть, он уберег Лизу от падения. Они как раз вышли из лесополосы на поляну. Окинув местность беглым взглядом, Даня пропустил девушку вперед, но тут же догнал ее и пошел рядом, подстраиваясь под ее шаг.

— У тебя было достаточно времени спросить об этом самого Дмитрия, — спокойно выдал Верещагин, когда Лиза уже и не надеялась услышать ответ.

— Если бы хотела узнать у него — узнала бы!

— Иными словами — не сказал?

Она хмыкнула, обреченно кивнув.

— Дима... умеет переводить разговор в нужное ему русло.

Реквием по любви. Трехи отцов

— Еще бы! — Даня сдержанно улыбнулся. — Так любопытно, мышка?

— Не надо! — Даже шаг сбавила. — Только ему можно называть меня...

Мужчина в примирительном жесте вскинул ладони.

— Заметано. Выдохни. — Он выдержал паузу и продолжил: — Как тебя угораздило-то? Совсем ведь юная еще... а он — взрослый дяденька.

Уточнять не требовалось. Лиза поняла суть вопроса.

— Не знаю. — Лгать не стала. Лишь плечами пожала. — До сих пор не понимаю. Само собой вышло.

— Угу. Само собой, значит. — Сопровождающий задумчиво потер шершавый подбородок. Как и у Димы, щетина к утру проступила. — Первый раз вижу, чтобы Похова так на ком-то клинило.

— А я не кто-то! — Лиза и сама не заметила, как рывкнула на мужчину. — Я — его любовь, ясно? Безумная!

Мужчина коротко гоготнул:

— Знаю, знаю. Собственными глазами видел. Вашу Машу, как у вас друг от друга крышу-то рвет! Не верил, что так бывает. Чую, ждут нас всех тяжелые времена.

— Не каркай, Даня. Мне и так страшно. — Лиза прикусила губу от волнения. — Неужели так заметно?

Верещагин ободряюще похлопал ее по плечу. Мол, прорвемся. Но кивнул, подтверждая.

— Просто ты со стороны себя не видишь. Ты же смотришь на него так... словно он... по воде каждое утро ходит!

— Что же в этом плохого?

— Глупышка! Рано или поздно Прокурор или Похом — а может, и вместе — устроят вам очную ставку. Неожиданно. Не дадут сориентироваться. Столкнут лбами и по-

Людмила Сладкова

смотрят, как друг на друга реагируете. Как их приказ исполнили. Борзый-то сможет эмоции обуздать. А ты?

Пальцы заледенели. Да и вообще зябко стало. Лизавета поежилась.

Ей подобное и в голову не приходило. У них что, других дел нет?

Глупость какая!

— Сможешь не кинуться в объятия Дмитрия, крича во всеуслышание: «Я — его безумная любовь?» — Он переразнил ее голос! Теперь уже девушка насупилась:

— Смогу, конечно! От этого зависит безопасность моего муж... мужчины!

— Учти, я запомню твои слова. Ты должна научиться прятать свои истинные чувства, Лиза. Или пропадешь.

— Не заговаривай мне зубы! Что произошло между Димой и твоим братом?

С видом, будто она вообще ничего не понимает и он напрасно тратит время, Верещагин отвернулся.

— Конфликта как такового нет, — пояснил Даня немного погодя. — И не было, впрочем. Если ты об этом. Просто тяжело идут на контакт. Слишком часто не сходятся во мнениях. А у каждого из них оно есть, и довольно... весомое в наших кругах. Всегда в лицо высказывают, что друг о друге думают. Чаще всего на матах и жестах. У мужчин так бывает.

Зная темперамент Похомова, вообще неудивительно. А вот другой любопытный факт покоя не давал.

— А почему ты... ну, на стороне Димы? Странно как-то...

— Некоторые суждения брата... они ошибочны. Борзый дальновиднее в этом плане. Хотя причина в другом, конечно. Он не раз... да и не два вытаскивал меня из таких передраг,

Реквием по любви. Трехи отцов

что и вспоминать жутко! Практически с того света, понимаешь? Я ему жизнью обязан. Если узнает Матвей — пара сломанных ребер мне обеспечена. В лучшем случае. Но не за верность Дмитрию. Нет. Преданность и верность он ценит. За то, что вообще в подобных ситуациях оказался.

— Грозный старший брат...

— Именно. И его суровость тебе предстоит познать на собственной шкуре.

Лиза обхватила себя руками, не сбавляя шаг. В обществе Матвея ей было некомфортно. Очень! Не понимала она значения его взглядов. Слов. Отношения. Одним словом — мороз по коже.

— Почему Дима настаивает на нем? Ты же можешь показать мне пару приемов? Разве этого недостаточно?

Мужчина улыбнулся:

— Я-то покажу, не вопрос. Только мне до брата далеко. Он же многих наших парней натаскивает по самообороне и рукопашке в целом. Борзый не просто так Матвея выбрал. Они прекрасно знают достоинства друг друга. Хоть никогда и не признают этого.

Оставалось лишь обреченно выдохнуть. Лизе не хотелось заниматься с ним. Совершенно. Все внутри протестовало. Настоящий и бесконтрольный бунт в сознании.

— Хорошо, — сказала она, борясь с собой. — Я попробую.

Было далеко за полдень. Бабушка прилегла на часок. А Лиза, устроившись в летней беседке с деревянным столом и резными лавками, принялась изучать свою находку — сокровище, оставленное мамой. Пока никто не видел, положила кольцо, подаренное Похомовым, внутрь коробки. Даню сменил Матвей. Лиза предусмотрительно попросила

Людмила Сладкова

мужчину остаться на крыльце, чтобы в этот интимный момент побыть одной. Долгое время изучала небольшую стопку фотографий. Своеобразная история семьи. Несколько снимков отца. Совместные фото их с мамой. И даже Лиза попала на некоторые. На душе щемило. Вроде и слово себе дала — не плакать более, однако чувства были на пределе. Девушка вибрировала от напряжения, как натянутая струна. Жестоко. Там они живы и счастливы. А здесь, в настоящем, их уже нет.

«Дышать! Нужно просто глубже дышать...»

Далее в руки ей попался небольшой блокнот, сплошь исписанный иностранными фразами. Ничего не скажешь, мама была сентиментальной — вела личный дневник, хоть и умело шифровала содержимое. Запечатанные письменные конверты с жирными цифрами «один» и «два» девушка отложила в сторону. Тут же потянулась к небольшой круглой коробочке. Открыла и ахнула. Аккуратно срезанный пучок волос.

Не рыжий! Темный. Частичка отца...

Дрожащим пальцем прикоснулась и прохрипела севшим голосом:

— Мягкие!

На дне коробки лежали золотые украшения с камнями. Кольца. Серьги. Браслеты. Не битком, как в пиратском сундуке с сокровищами, но по несколько пар. Один предмет явно выделялся. Мужской перстень. Такой огромный, что в нем поместилось бы полтора Лизиных пальца. Рассматривая изделие, она грустно улыбалась. Тоже папино. Казалось, будто сейчас, в этот момент, происходит воссоединение семьи. Сердце в груди уже отбивало торжественную барабанную дробь. Уверенно, ничего более не опасаясь, Лизавета вскрыла конверт под номером один.

Реквием по любви. Трехи отцов

«Моя душа... мой воздух...

Если ты читаешь это письмо, значит, все хорошо. Просто пришло время. Либо же наоборот — очень плохо, и поиск ответов обусловлен необходимостью, а меня нет в живых. Молю Господа, чтобы вариант оказался первым. Но особых надежд не возлагаю... Он давно меня не слышит.

Что-то надвигается, доченька. Нутром чувствую. Будто... Кир все крепче обнимает. А я, как прежде, млею... теряю волю и поддаюсь, делая решительный шаг к нему на встречу.

Потому и собрала в одном месте всю важную информацию, которая поможет тебе во всем разобраться. Пришлось перестраховаться — большинство записей сделано на немецком. Как жаль, что ты не питаешь такой же страсти к языкам, как я. Тем не менее придется постараться и перевести их. Не ленись. И будь осторожна. Никому не доверяй. О втором письме никто не должен знать, милая. И, Лиза, родная... если в твоей жизни все хорошо, не читай его. Не лезь в эту трясиину. От нее не отмыться. И прежней уже не стать. Хорошенько подумай!

Сколько раз ты задавала вопрос, от которого я захлебывалась в собственной агонии и сбегала, не в силах унять терзающую сердце боль. Банальное «Где мой папа?» оборачивалось для меня самой настоящей истерикой. Знаю, виновата. С собой в те моменты не владела. Только и по сей день ничего не изменилось, Лиза. Без него я умираю... снова и снова. А потом вдруг оживаю. Когда слышу требовательное «Мамочка!» Ты — смысл моей жизни, родная. Все, что я когда-либо делала, имело лишь одну цель — защитить тебя!

Твой отец был бандитом. Вот и сказала. Да, тяжело принять. Но такова правда. Уголовником. Жестоким и беспринципным. Бескомпромиссным. Со всеми. Но не со мной. Я знала его настоящим. Таким, каким не знал даже родной брат.

Людмила Сладкова

А когда у нас ты родилась... Боже! Как же он любил тебя, Лиза. Клянусь, я ревновала! С таким трепетом прикасался, что душа замирала, и время останавливалось. У Кира тряслись руки рядом с его кнопочкой. Он так тебя называл — кнопка. Лишний раз сжать боялся своими сильными ручищами.

Как забыть это, дочка? Как вычеркнуть из памяти?

Никогда не забуду нашу с ним первую встречу. Никогда!

В тот самый миг я видела свою смерть. Свою погибель. Свою бездну. В его глазах...

Тонула в них, не в состоянии совладать с эмоциями, и понимала — принадлежу. Отныне и до последнего вздоха. Это конец. Присвоил. Заклеймил. Поработил. Не словом. Одним лишь взглядом! Кто-то назовет это безумием. Одержимостью. Проклятьем. Я же зову любовью...

Не спеши судить, родная! Я противилась чувствам что было сил! Ведь знала, кто он. Знала, что нельзя. Понимала. Да только проиграла. Лишь в его руках оказалась — и пропала! В своей любви мы были эгоистичны и свирепы. Желая разделить друг с другом вечность, совершенно не думали о последствиях. А платить приходится всегда. Всегда. Забавно, ведь я ни о чем не жалею. И ни за что не отказалась бы от него, даже под дулом пистолета. Лучше смерть. Смерть, с его именем на устах. Но то моя судьба... моя карма. Не твоя.

Ты же, Лиза, должна выжить. Что бы ни происходило. Как бы судьба ни испытывала! Нормальная мать сказала бы — держись подальше от неприятностей. Я же говорю — борись за свое счастье. Никто не имеет права отнять его у тебя. Ты — дочь Черчилля! «Не прогибайся — требуй», — слова твоего отца. Мы рядом. В твоём сердце. Люблю... всегда!»

Реквием по любви. Трехи отцов

Руки тряслись. Чтобы не закричать, Лиза до крови прикусила губу. Понимая, что все — слез сдержать не сможет, спрятала лицо в ладонях.

— Я буду бороться, — шептала она бессвязно, раскачиваясь в позе душевнобольного человека. — Обещаю. Я буду. Он ответит... ответит. За все, что сделал с вами. С нами.

— Тише! — раздался успокаивающий голос прямо над ухом. — Тише, моя хорошая. Не надо плакать. Пожалуйста.

Она не сразу сообразила, что Матвей сидит рядом и крепко прижимает к ее себе. Нежно гладит по волосам. Пребывая в шоке, Лиза вскинула на мужчину полный изумления взгляд. Он смотрел с сочувствием и... необъяснимым трепетом, что ли. А Лиза... будто по голове ее хорошенько треснули... поняла наконец, что именно в его обществе так настораживало и пугало. Забота? Нет. В его взгляде читалась жажда обладания!

«Господи, да я же нравлюсь ему!»

На ноги вскочила, едва не полетев обратно, споткнувшись о скамейку. Неважно. Лишь бы вырваться! Впрочем, Верещагин и не держал.

— Не бойся меня, Лиза! Не шарахайся, — зачем-то произнес он. — Я жизнь отдать готов, защищая тебя. Уж вреда-то точно не причиню.

Она вытерла лицо от соленой влаги.

— Я и не боюсь.

Проворно сложила все содержимое шкатулки обратно и как бы невзначай увидела свое обручальное кольцо. Поднесла к лицу и, нахмурившись, сделала вид, что детально изучает.

— Красивое, — подтвердил ее собственные мысли мужчина. — Под цвет твоих глаз. Камень редкий и очень дорогой.

— Мы с мамой — одно лицо. Очевидно, папа подбирал именно под цвет ее глаз. Но и мне подойдет.

Людмила Сладкова

Демонстративно начала примерять украшение на разные пальцы. В итоге оставила на правом среднем. Ближе всего к безымянному. К его законному месту. Захлопнув шка-тулку, в упор посмотрела на Матвея.

— Мне нужна твоя помощь.

Теперь нахмурился он:

— О чем речь?

— Вчера ты сказал: «Лишь безмозглый идиот позволил бы сопливой девчонке отправить себя в нокаут. Я к таким не отношусь». Помнишь?

— За свои слова всегда отвечаю.

— То есть в драке ты хорош?

— Не играй со мной в кошки-мышки! — Он поднялся следом.

— Если бы пришлось драться с Решетниковым, ты победил бы его?

— Не сомневайся. Со мной даже... — отчего-то он запнулся. — Просто не сомневайся.

— Я тоже так хочу!

— Как?

— Знать, что в состоянии защитить саму себя. Я же беспомощна, как червяк!

— У тебя есть я и Даня.

— Мне этого недостаточно, чтобы спокойно спать ночами. Научи меня!

— Ты не рехнулась, случаем?

— Матвей! Пожалуйста! Я же не собираюсь кулачные бои устраивать. Самые элементарные приемы. Обычная самооборона. Мама оставила мне письмо, в котором просила быть сильной и стойкой. Понимаешь?

— Лиза, но ты уже такая. Сильная. Несгибаемая...

Реквием по любви. Трехи отцов

— Так ты сможешь? Или Даню просить? — пришлось повисить голос. Ей нужен был ответ. Здесь и сейчас. — Да или нет, Матвей?

Он прожигал ее взглядом. Кадык ходуном ходил.

Не страшно. Терпимо. Держать лицо!

— Поговори с Прокурором. Добро даст — так и быть. Обучу тебя.

* * *

— В атаке безнадежна, — недовольно буркнул Матвей. — Не понимаю, каким чудом ты Толю вырубил, если глаза закрываешь в момент удара!

Звучало как приговор. Они начали первое занятие на поляне возле дома сразу после захода солнца. Теперь же сумерки стремительно надвигались на землю, порождая в душе необъяснимую тревогу.

Лизавета насупилась, отгоняя от себя мрачные мысли. Настырно сдула со лба выбившуюся из хвоста прядь волос.

— Я сильная! — Она упрямо вздернула подбородок, едва ли не вспарывая облака собственным носом. — И выносливая. Не знаешь же, какие нам Ирина Павловна нагрузки дает! Ты бы удивился...

— Судя по всему, — он оценивающе скользил по ней тяжелым взглядом сверху вниз, — недостаточные.

Вот же гад!

— Что, не по зубам задача? Уже сдаешься? Мне позвать Даню?

Для чего провоцировала мужчину, сама не понимала. Но ей необходимо было выполнить просьбу Дмитрия. А на войне, как известно, все средства хороши.

— Так научи. — Лиза ходила вокруг него, как теленок, привязанный к колышку. — Научи меня...

— Лиза!

Людмила Сладкова

Довольно грозно произнес. Спину под удар не подставляя — сцепившись взглядом, поворачивался вместе с ней. Мешал отвлекающему маневру и внезапной атаке.

— Что?

Неожиданный выпад вперед. Резко и без предупреждения.

Рефлексы не подвели. Девушка успела отскочить. Еще попытка Верещагина, и снова неудача.

— Отличная реакция, — резюмировал он секунду спустя. — Есть неплохой шанс прокачать защиту.

— Ну хоть что-то во мне есть...

— В тебе есть все. Жаль, что не понимаешь. И не ценишь.

Она даже двигаться прекратила. Встала точно вкопанная.

— В смысле? — с трудом выдавила Лиза. В горле ком встал.

Матвей смотрел не мигая. И от этого взгляда откровенно не по себе становилось.

— В прямом. — Мужчина прокашлялся, словно смутился. Или сболтнул лишнее. — Мышечный каркас, формирующий фигуру, что надо. Бицепсы как камень. Скорость реакции на высоте и с ними в жесткой связке.

— А-а-а... — протянула Лиза задумчиво, — с чего ты взял...

— Я прикасался к тебе. Знаю, о чем говорю.

— ...что между всеми этими критериями есть связь?

Девушка вспыхнула. Вот как в глаза смотреть после таких откровений? Леденя от нехорошего предчувствия, попятилась. словно копируя ее движения, мужчина шагнул следом, явно не намереваясь увеличивать расстояние:

— Не бойся, Лиза. Не надо.

— Не подходи.

— Не могу...

Реквием по любви. Трехи отцов

— В чем дело?

— Как магнитом к тебе, девочка. — Матвей приложил сжатую в кулак руку к сердцу. — Не причину вреда. Лишь рядом буду.

От изумления Лиза так и застыла с разинутым ртом.

— Спятил? — Она неожиданно для себя повысила голос.

— Похоже на то...

Холодный пот покрыл всю ее спину. Топик стал липким и противным.

— И ничего тебя не смущает?

— Например?

— Матвей, я другого люблю! Очень люблю... понимаешь?

Сморщившись как от хорошего удара в челюсть, мужчина гневно сплюнул на землю. Его взгляд был равносителен отборному мату — тому, что вместо тысячи слов.

— Забудь! Быть с ним тебе не позволят. А чувства... они пройдут.

Верещагин произнес столь болезненную для Лизы фразу с таким наслаждением, нескрываемым удовольствием, что девушку передернуло. Она скривилась от неконтролируемой злобы, бушующей в крови. Захотелось ужалить его, да побольнее. Вернуть с небес на землю.

— И с тобой не позволят, — вогнала Лиза нож в сердце по самую рукоять, ни капли не жалея Верещагина. Пресекая подобные мысли на корню. — Ты же слышал Прокурора — никто из вашего круга!

— Слышал. Однако я не претендую на роль смотрящего. Это тот редкий случай, когда у меня шансов на тебя больше, чем у Борзого.

У тебя их вообще нет, болван!

Людмила Сладкова

— Нет.

— Я дождусь. Однажды ты будешь готова...

— Не тешь себя напрасными надеждами. Пожалуйста.

— Не отступай назад, если не знаешь, что у тебя за спиной, — поспешил перевести разговор Верещагин, — можешь споткнуться! А это проигрыш.

— Спасибо за сове-е-е-е...

Нога подвернулась, когда стопа провалилась в небольшую ямку, похожую на нору суслика. Потеряв равновесие, Лиза начала падать.

Именно в этот момент Матвей рванул ее на себя. Прижал крепко и не спешил отстраняться. Более того, с каждой секундой казался все напряженнее и стискивал сильнее. Вглядываясь в лицо, словно пытался каждую черточку запомнить. И это пугало. Очень пугало.

— Пусти! — зашипела Лиза, пытаясь вырваться.

— Я осмотрю ногу.

— Нет! Не прикасайся.

Чужие руки. Чужие! Боже! Уже и не паника вовсе. Ужас. Откровенный и ничем не прикрытый. Лиза понимала прекрасно — не по зубам ей этот противник. Закричать? Если повезет, Даня услышит. Или Петр Петрович.

Как будто прочитав ее мысли, мужчина холодно предупредил:

— Начнешь верещать, заткну тебе рот... своими губами! Усекла?

Судорожно вытолкнув из легких застоявшийся воздух, Лиза кивнула.

— Умничка! — промурлыкал он одобрительно. — А теперь покажи мне ног...

Все произошло столь стремительно, что девушка и сориентироваться не успела. Что-то или кто-то с невероятной